

Спустя два дня Хулэ снова навестил его. Красавец по-прежнему лежал в постели, изредка вставая, чтобы пройтись по шатру. Хулэ, увидев, что цвет лица у того улучшился, участливо спросил:

— Уцина, живот теперь не болит?

Красавец не горел желанием с ним разговаривать, но из уважения к другу «мужа» нехотя ответил:

— Лучше, спасибо.

Хулэ и не думал ему вредить. В детстве он был маленьким стражником при яньчжи, кое-что знал о его судьбе и считал его несчастным. Теперь, видя, что тому полегчало, он присел рядом с Улэйжо разделить трапезу и побеседовать.

Улэйжо оставался мрачным. Он в общих чертах описал состояние Красавца, надеясь, что Хулэ их отпустит, и тогда он лично преподнесёт богатые дары. Хулэ, хоть и не облечённый большой властью, понимал серьёзность положения. Его отец через пару дней должен был прибыть с инспекцией, и дольше держать яньчжи здесь он не мог.

Улэйжо отрывисто поддерживал беседу, попивая вино, и вновь просил отпустить их двоих.

Красавец, лежа на кровати и жуя дыню, услышав, что «муж» хочет уехать, поддержал его:

— Господин Хулэ, отпусти нас домой. Хоть ты и дружишь с Чаганом, но в гости к нам можешь нагрязнать и попозже.

Хулэ, жуя баранину, замер. Красавец взглянул на него с мольбой, и Хулэ, смутившись, отложил мясо и сказал:

— Мы с братцем Чаганом лет не виделись. Завтра я отправлю тебя домой, а Чаган пусть у меня ещё денёк-другой побудет.

Красавец тут же возмутился, сердито заявив:

— Нельзя! Зачем тебе моего мужа здесь держать?

Тут же он подозрительно скосил глаз на Улэйжо и набросился:

— Чаган, ты что, тут кого-то за моей спиной припрятал!

Улэйжо и оправдываться не успел. Красавец, окинув взглядом эту парочку негодяев, в сердцах закричал:

— Чаган, если посмеешь привести сюда какую-нибудь лисицу, я мигом с твоим сыном улечу!

Хулэ едва сдержал смех. До чего же яньчжи поглупел! Он и раньше был не от мира сего, делал что попало, а теперь, с памятью потерянной, и вовсе дурачком стал. Красавец, заметив его усмешку, принялся ругать:

— Вы оба — никудышные! Видите, животом тяжёлый, а всё равно помогаете ему людей прятать! Какие же вы друзья, подлецы!

Хулэ, задетый бранью, раздражённо буркнул:

— Да чего ты всё на меня лаешься!

— Потому что урод, мёртвая жирная свинья!

—

Хулэ не стерпел и огрызнулся:

— А сама-то не толстая? Ты тоже хороша! Ты в курсе, насколько теперь против прежнего подурнела?

Красавец от таких слов разревелся, а Улэйжо обнял его, утешая:

— Нет, ты всё такая же красивая.

Хулэ ехидно поддакнул:

— Сама уродина, а другим проходу не даёт. Располнела как свиноматка, а других уродками обзывает.

Теперь-то он возмужал. Все детские обиды возвращал сполна.

Хулэ всё же отпустил их, ибо отец его и вправду приближался. Перед расставанием Улэйжо пообещал, что более никогда не поведёт войска на Усунь. Хулэ и сам не понимал, что им двигало, — наверное, Красавец. Тот снова принялся его каждый день честить, и он действительно струхнул.

Не отпусти он его мужа — ругаться бы ему до конца дней. Нрав у яньчжи всё тот же, что в детстве, — вспыльчивый и гневливый.

Хулэ лично проводил их за заставу. Отъезд обрадовал Красавца, и он, сидя в повозке, сказал Хулэ:

— Заходи к нам как-нибудь в гости, Хулэ.

Хулэ, смущённо ухмыляясь, подъехал на коне к повозке и промолвил:

— Янь... Уцина, ты больше меня не ругай.

Красавец сердито фыркнул. Хулэ продолжал:

— В детстве ты меня больше всех честил, а теперь я вырос, и хватит.

Как бы там ни было, яньчжи скрасил ему часть детства, и между ними оставалась некая связь. В детстве яньчжи учил его грамоте, и хоть учился он спустя рукава, в этом превосходил братьев — ханьские иероглифы знал, потому и внимание отца снискал. Хулэ смотрел, как широкая повозка медленно удаляется, пока не превратилась в маленькую точку у подножия холма. В детстве он боялся яньчжи, того словно красивую, но ядовитую змею. Повзрослев и встретив вновь, увидел, что тот стал полным, да ещё и глупым, да и память потерял — видно, многое пережил. Слышал, ханьцы его захватили да чуть не сожгли — жалко стало. Может, степи ему и впрямь дом, а сыновья Ивэйсе — лучший удел.

Хулэ стоял, пока повозка не скрылась из виду, а затем угрюмо повернул коня назад, вспоминая многое, что происходило при дворе шаньюя Ивэйсе.

Помнится, однажды пришёл он к яньчжи, а тот сидит на коне и плачет, а Иэрдань, торс голый, коня его под уздцы ведёт. Тогда он был ещё несмышлёнышем, думал — Иэрдань его обидел. О любви тогда понятия не имел, а теперь, оглядываясь назад, думает — может, Иэрдань и впрямь его обижал, да по-разному.

Красавицы, что в Хунну выдают, всегда несчастны. Служить приходится не только шаньюю Ивэйсе, но и сыновьям его. На душе у Хулэ стало кисло и неловко.

Достигнув земель Хунну, Улэйжо наконец облегчённо вздохнул. Он не гнал повозку слишком быстро, то и дело останавливаясь передохнуть. Так, через два дня пути, они наконец увидели жильё.

До стоянки хуннской конницы оставалось ещё порядочно, и Улэйжо не рискнул продолжать путь. Красавец, пролежав два дня на тряской повозке, снова побледнел.

Улэйжо попросился в тот дом на постой, чтобы передохнуть. Их приютила пара скотоводов с шестнадцатилетней дочерью по имени Чжужигэ — девушка наивная, романтическая и красивая. Улэйжо вручил скотоводам золотой слиток, а также меха и пряности, объяснив, что жена его на сносях, да в пути прихворнула, и попросил позволить пожить у них, пока та не разрешится.

Живот у Красавца был уже на восьмом месяце, и скотоводы сжалились, приютив их. На следующий день Улэйжо, наконец поддавшись уговорам Красавца, натопил целую кадку воды, чтобы помыться. Он мылся за конюшней, смывая с себя всю черноту и краску. После первого омовения Красавец всё ещё ворчал, велел ему побриться да ещё раз помыться — всё казалось ему, что от «мужа» несёт коровьим навозом.

Улэйжо чувствовал себя неловко, прямо как отец его, которого яньчжи тоже вечно пилил. На душе было и горько, и кисло, но под взглядом Красавца он покорно отправился за водой. Чжужигэ, посмеиваясь, помогла ему воду нагреть. Ей было любопытно наблюдать за этой парой западных купцов, отношения их казались занятыми.

Днём, пока стояла погожая погода, Улэйжо помылся ещё раз. На сей раз он использовал мыльные бобы, вымыл волосы дочиста, отскоблил с тела прилипшую шерсть, сбрил бороду, облачился в белый халат кочевника и попросил Чжужигэ помочь заплести волосы в аккуратную косу, украсив её нарядными костяными подвесками и агатовыми бусинами. Чжужигэ, увидев его, замерла. Красавец тоже замер.

Красавец долго смотрел на него, на его глубокие глаза с иноземным разрезом, на алые губы и белые зубы, на прекрасное лицо. Ему вдруг стало как-то не по себе, он нахмурился:

— Чаган, зачем бороду сбрил?

Улэйжо ответил:

— Ты же сам велел.

На душе у Красавца стало смутно и непонятно, но что именно его тревожило — уловить не мог. Улэйжо, нервноничая, подошёл к нему, взял за руку и спросил:

— Теперь лучше?

Красавец, глядя на него, вдруг притянул его лицо к себе и принялся разглядывать. Улэйжо вспыхнул, услышав, как Красавец, хмурясь, говорит:

— Почему ты перестал быть уродливым?

Улэйжо не знал — смеяться ему или сердиться. Красавец с отвращением оттолкнул его, кажется, даже сильнее прежнего, и махнул рукой:

— Вон пошёл, я поспать хочу.

Улэйжо охватила внезапная и глубокая печаль. Он понимал: его всегда воспринимали как тень отца. Пусть Красавец и память потерял, но влияние отца осталось, потому он и доверял ему так слепо.

Красавец же, лежа, заснуть не мог, всё ломал голову: почему «муж» так переменился? Почему после бани вдруг побелел? Почему после бритья вдруг похорошел? Он же и без бороды должен был уродиной оставаться, просто чуть менее уродливой.

<http://bllate.org/book/16253/1462123>